

Татьяна Янковская

БУДЕМ НЕОБЪЕКТИВНЫ

*Я учусь облегчать свою боль пением.
Тибольт де Шампань, трубадур
(1201-1253)*

Познакомилась я сначала с Катиными песнями, а потом, спустя два месяца, с ней самой. В промежутке был телефонный разговор. Катя Яровая выступала тогда в Калифорнии, и я позвонила с предложением устроить ее концерт в штате Нью-Йорк. Песни ее сразу не просто полюбила, а заболела ими, как когда-то болела Лермонтовым, Маяковским, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштамом, Высоцким, Галичем и всегда – Пушкиным. Не будучи уверена, что она приедет, говорю ей о впечатлении, произведенном на меня ее песнями, называю имена Галича, Высоцкого, Цветаевой, тогда еще не зная, как важны они для нее самой. И физически ощущаю, как она слушает, – как будто в трубке образовался вакуум, втягивающий мои слова. Катя умела слушать и разговаривать как никто. О.Мандельштам писал, что нет ничего страшнее для человека, чем другой человек, которому до него нет никакого дела. С Катей каждый, кто ее любил, знал, что он ей дорог и интересен. *«И необъективной, пристрастною мерой/ я меряю всех – всех, кого я люблю»*, – писала она. Ее равнодушие к людям проявлялось во всем – и осталось навсегда в ее песнях.

В октябре 1990 года Катя выступила с концертом у нас дома недалеко от Олбани. Жила она тогда в Амхерсте (Массачусетс) у профессора Джейн Таубман, которая пригласила ее выступить в нескольких университетах. Катя приехала в апреле 1990 года, решила показаться врачу, как ей настоятельно рекомендовали в Москве, и услышала диагноз, который не принято было говорить пациентам в Союзе: рак груди. Понадобилась срочная операция и последующее лечение, и тут ей очень помогла Джейн, которой Катя посвятила стихи:

*Мой круг друзей, спасательный мой круг,
Не то что слов — и жизни всей не хватит,
Чтоб высказать любовь. Не хватит рук,
Чтоб заключить мне вас в свои объятия...*

Мы увидели молодую женщину, легкую, веселую, лицо и волосы вызолочены калифорнийским солнцем. Страшное слово – рак, казалось, было к ней неприложимо. А ведь это было тогда ее реальностью – и стихами. Эти строки я прочла, когда ее уже не было: *«Когда придет пора с тобой проститься/ И в небе облаком прозрачным раствориться,/ И в те края, откуда мне не возвратиться,/ Отправлюсь я с больничным узелком...»* А пока стоял солнечный, голубой с золотом, прозрачный октябрьский день – в России такие бывают в сентябре. Так щемяще и осязаемо запечатлены они в ее песне «Дни сентября»:

*Сентябрьский день — прозрачный и звенящий —
В хрустальной сфере голубых небес.
В ней отражен прощальный и летящий,
Весь золотой и невесомый лес.*

*Такие с неба льют потоки света,
Наполнен солнцем каждый уголок,
Как будто, уходя, все просит лето
Взаймы у осени еще денек.*

Родилась Катя Яровая в Свердловске, подростком переехала в Москву. Отец ушел из семьи, когда ей было восемь лет, что было для нее большой травмой («*А мне любовь нужна, как витамин./ Ищу похожих на отца мужчин...*»). Рождение дочери круто изменило ее жизнь – именно после этого она всерьез начала писать песни, поступила в Литинститут. «Работала бардом», как говорила о ней дочь. Публикаций почти нет, как нет и ни одной пластинки. Главная причина в том, что не хотели включать ее политические песни, а давать одну лирику она отказывалась, хотя большая часть написанного ею – именно лирические песни. «Я не иду ни на какие компромиссы, – сказала она на концерте в Нью Джерси в 1990 г. – Я провожу эксперимент». По высказыванию А. Щаранского, только в тюрьме можно жить не идя на компромиссы. По-видимому, Катя воспринимала обстановку в стране по отношению к творческой личности как тюремную – да так оно, в сущности, и было – и не делала уступок в том, что касалось ее творчества. Политические песни были ее коньком, как она говорила в своем последнем интервью в сентябре 1992 года, которое дала в Нью-Йорке перед возвращением в Россию. Это было после ее второго приезда в Америку в апреле того же года (первый раз она провела в Америке год). Состояние ее резко ухудшилось, и летом во время ее поездки в Колумбус выяснилось, что болезнь возвратилась. Химиотерапия не помогла, и Катя улетела лечиться в Новосибирск. Надежды на нетрадиционные методы лечения не оправдались, и 12 декабря ее не стало. Мир до конца не потерял для нее своего очарования. Ее последняя песня («В разных была и обличьях, и обликах...») – гимн всему, с чем она прощалась на земле. В этой песне – сила духа, мудрость, женственность, легкость, ставшая уже почти невесомостью, и благодарность за каждый оставшийся вдох («*Я еще слышу листвы шелестение,/ Я еще вижу полоску закатную/ И я дышу, Боже мой, я дышу...*»).

Мне приходилось многих знакомить с творчеством Кати Яровой, и слово, которое я чаще всего слышала от тех, кому открывался мир ее поэзии, – потрясение. Многие говорили мне, что теперь не могут жить без ее песен, а некоторым они «помогли выжить» в трудной жизненной ситуации. Рожденные в глубине души, они вызывают мощный резонанс в душах других. Секрет воздействия ее поэзии – внешняя простота. Крик, надрыв даже в самых совершенных стихах могут оттолкнуть людей, так же как крутой подъем в гору может испугать боящихся высоты. Бродский указывал на естественное «стремление человека отвернуться, спрятаться от истины мира, в котором он живет». А Катина обманчивая сдержанность, юмор незаметно затягивают – и прежде чем ты успеваешь понять, в чем дело, ты уже на крючке, беззащитный, застигнутый врасплох, с глазами на мокром месте. Но те, кто доверил Катиной поэзии свою не одетую в панцирь душу, оказываются вознаграждены, потому что, как всегда после соприкосновения с настоящим искусством, их жизнь и взгляд на мир будут уже иными. И ее стихи будут рядом – навсегда.

*А когда на подъеме перехватит дыханием горло
От такой высоты, вот тогда ты меня позови.
Я — стихия твоя, твое небо и горы.
Где закончится страх, там начнется свобода любви.*

Эмоциональный накал ее песен таков, что не сразу замечаешь мастерство. Порой только после многократного прослушивания начинает открываться богатство выразительных средств: виртуозная игра со звуками и смыслами, интересное структурное построение, многоступенчатые метафоры, скрытые цитаты. Возвращение к ее стихам всегда таит сюрприз.

Катя поразила меня, сказав как-то, что до сих пор плачет, читая «Размышления у парадного подъезда» Некрасова. Такой поэт *не мог* не написать «Песню о моем поколении», «Афганистан», «Цари меняются, Россия остается...» и многие другие. Ее гражданские стихи – рупор истории. Она не оратор, не плакальщица, не проповедница. Она – вещунья, провидица. Она поднимает нас до себя и до лучшего в нас самих, помогает людям обрести внутреннюю свободу. Вот, например, что произошло с ее песней «Указом антиалкогольным крепко вмазал,/ Как посохом, наш Миша-Моисей...». Песня, по-моему, не самая удачная, но такая, видимо, нужная тогда в России! Когда здесь, в Америке, я давала ее послушать российским гостям, как безудержно смеялись они все! Но когда Яровая уже во время перестройки спела ее в провинциальном городе Кольчугино, люди не только не смеялись, а, побледнев и вжавшись в кресла, со страхом смотрели на сцену. Когда Катя сказала им «а чего вы боитесь, товарищи? Вы же видите, я пою, и ничего со мной не случилось», они еще больше перепугались. И только после ее слов «да не бойтесь, товарищи, уже можно, разрешили» – люди стали смеяться, хлопать, кричать «бис!». Катя назвала это явление «кольчугинским синдромом». «Я вот так езжу по стране и всем всё разрешаю», – говорила она, рассказывая эту историю.

В этом году в Москве в издательстве «Э.Ра» вышел сборник поэзии Кати Яровой «Из музыки и слов». В газете «Московская правда» появилась заметка Л. Гвоздева, в которой он пишет: «Сначала думал: просмотрю, пролистаю. Потом, начав листать, вернулся к началу и прочел до конца. А после еще раз. Значит, зацепила Катя Яровая...» Именно такими словами депутат Думы Владимир Рыжков, приглашенный на радио «Эхо Москвы» для участия в передаче о поэзии полтора года назад, определил воздействие настоящей поэзии: «цепляет эмоцию, душу». В той передаче прозвучали песни Кати Яровой, а известный актер В.Смехов читал ее стихи. Он рассказывал мне потом, в какой восторг пришел Рыжков от стихов Яровой и захотел сам прочесть в эфире отрывки из песни, посвященной XIX партконференции («Кто сказал – у нас бардак и неразбериха?»). «Эта часть, возможно, для нее сложнее, чем лирика. Как не впасть в пошлость, когда пишешь об этих вещах? Мало кто взялся бы за это, а получается все равно поэзия», – сказал Рыжков. Про «Красный уголок» он заметил: «Когда на эти стихи взглянешь, мороз по коже».

Катя была фаталисткой и доверялась судьбе. Иным казалось, что ее забудут, – ведь прошло уже десять лет, как она ушла из жизни. Но этот период относительного молчания был, очевидно, необходим, чтобы ее поэзия вернулась во всей своей полноте. Ведь после переворота 1991 года и начавшегося распада СССР

Катя считала, что ее политические песни устарели и даже устроила их публичные похороны. Теперь ее политические песни обрели новую остроту – и не только в России. В ком из живущих в третьем тысячелетии не вызовут отклик строки из «Красного уголка»: *«Я пожить могла бы в тире,/ Впрочем, все мы в нем живем...»*? А ее многочисленные строчки-афоризмы, например, *«А дикарей нельзя любовью/ Ни укротить и ни унять»* («Сумгаит») или *«Невинным не может вторжение быть,/ Хоть как ты его назови»* («Абхазия»). Да и время показало, что, как сказал мне В. Фрумкин, специалист в области авторской песни, «Катя все-таки настоящая. Настоящий поэт». О растущем интересе к творчеству Яровой может свидетельствовать тот факт, что в прошлом году ее песня «Исход» была выбрана для исполнения во время празднования Keshet Global Seder в университете Брандайс, куда я была приглашена вместе с переводчицей песни Элейн Улман, чтобы рассказать о Кате. Сто пятьдесят человек, американцы и выходцы из разных стран мира, пели по-русски: *«Окрепших в историческом походе/ Привел Господь к земле обещанной бойцов...»* Именно эта часть программы произвела на присутствующих наибольшее впечатление.

В одной из своих ранних песен Катя Яровая пела: *«Давайте же будем мы необъективны/ к России, к любимым, к родным и друзьям!»*. Все мы, знавшие и не знавшие ее при жизни, «необъективно» относящиеся к ее творчеству, празднуем сегодня второе дыхание, обретенное ее песнями. Вот только ее нет среди нас. Появилась книга, компакт-диск, аудиокассеты, за последние несколько месяцев напечатан уже десяток статей... И это только начало.

Опубликовано в журнале «Слово\Word», США, 2003 г.